

И.М. Комаров

**ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ СЛЕДСТВЕННОГО
ДЕЙСТВИЯ И СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

В статье рассмотрен широкий спектр вопросов, отражающих современную уголовно-процессуальную проблематику, связанную с определением признаков следственного действия, а также проблемами, определяющими систему следственных действий в российском уголовном процессе и отличием ее от процессуальных действий.

Ключевые слова: следственные действия, система следственных действий, процессуальные и следственные действия, признаки системы следственных действий.

I. M. Komarov

**ONCE AGAIN ON THE ISSUE OF THE SIGNS OF THE
INVESTIGATION ACTION AND THE INVESTIGATION SYSTEM
IN THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS**

The article considers a wide range of issues, reflecting the modern criminal procedure issues associated with the identification of investigative actions and the definition of its concepts, and issues defining the system of investigative actions in the Russian criminal process and the difference of this system from the proceedings.

Keywords: investigative actions, the system of investigative actions, procedural and investigative actions, the signs of the system of investigative actions.

Следственные действия представляют собой основной процессуальный способ собирания доказательств на стадии предварительного расследования преступлений. Правильная их организация и проведение процессуально уполномоченными на это субъектами непосредственно влияет на результаты расследования уголовного дела, а также рассмотрение его в судебном разбирательстве.

В этой связи весьма важным представляется вопрос о правовой регламентации следственных действий по причине того, что, несмотря на определенность уголовно-процессуального законодательства, не ослабевают дискуссии о понятии следственного действия. Не решена проблема, касающаяся системы следственных действий.

К сожалению, действующее уголовно-процессуальное законодательство не дает четкого определения понятия следственного действия и не определяет их систему. Это «упущение» и порождает многолетние дискуссии по данным вопросам. Однако, кроме научных дискуссий [1], неопределенность в понятиях следственного действия и системы следственных действий негативно влияет на законотворческую и правоприменительную деятельность.

Между тем в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации есть определение неотложных следственных действий (п. 19 ст. 5), понятие процессуальных действий (п. 32 ст. 5), ст. 83 УПК РФ «Протоколы следственных действий и судебного заседания» содержательно отражает процессуальные формы, присущие следственным действиям. В этом кодифицированном процессуальном документе имеется достаточно правовых норм, тем или иным образом связанных с понятием, содержанием и процессуальной формой фиксации результатов проведения следственного действия. Однако его законодательное определение отсутствует.

Судебно-следственная практика имеет достаточно коллизий правоприменительной деятельности, когда отсутствие указанного определения создает сложности для выполнения назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 УПК Российской Федерации.

В советский и постсоветский начальный период развития уголовно-процессуальной науки доминировал подход, в соответствии с которым все предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством действия, осуществляемые следователем по уголовному делу, признавались следственными. В основе такого подхода к вопросу лежали обоснования, сделанные А.М. Лариным и его последователями. Содержание понятия следственного действия обосновывалось как процессуальное действие познавательного характера. Отметим, что в конце прошлого столетия такой подход был развит до уровня научной теории [2].

Однако, в том числе и в соответствии с современной уголовно-процессуальной концепцией, очевидно следующее: и следственные, и судебные действия представляют собой лишь часть процессуальных действий; действующий процессуальный кодекс свидетельствует, что следственные действия направлены на получение доказательств, следовательно, они имеют познавательную природу. Отсюда закономерным является вывод о том, что следственные действия лишь часть процессуальных действий, связанных с собиранием доказательств.

Правда, с таким подходом к определению сущности следственного действия согласны не все. Так, например, В.М. Быков полагает, что в связи с познавательным характером всего процесса доказывания не следует акцентировать внимание только на этом свойстве следственного действия [3, с. 151].

Мы не вполне согласны с таким подходом уважаемого автора к данному вопросу, так как познание в соответствии с уголовно-процессуальными средствами представляет собой доказывание. Вместе с тем доказывание не ограничивается исключительно уголовно-процессуальными нормами, чье использование позволяет получить сведения о фактах, актуальных для расследования уголовного дела. Следственные действия здесь основное уголовно-процессуальное средство познавательной деятельности, что по существу и есть собирание доказательств. Именно этим следственные действия и отличаются от других процессуальных действий.

Следует учитывать и процессуальную условность понятия «собрание доказательств», такой процессуальной процедуры нет, как нет и доказательств, пока процессуально уполномоченное на их собрание лицо не исполнит предусмотренные законом действия по получению и процессуальной фиксации посредством процессуальной формы сведений о фактах [4].

Российская научная уголовно-процессуальная мысль, связанная с ныне действующим уголовно-процессуальным законодательством, имеет и мнения, в соответствии с которыми собрание доказательств не должно быть обусловлено только соблюдением принятых процессуальных форм. Аргументом такого подхода является недостаточно точно прописанный в УПК РФ институт состязательности. Наиболее активно эту позицию отстаивает В.А. Лазарева [1], на чей взгляд заложенная в законе концепция формирования доказательств плохо коррелирует с состязательной моделью уголовного судопроизводства. Она подразумевает под доказательствами объективно существующую информацию, а не данные познавательной деятельности процессуально уполномоченного субъекта, и не рассматривает процессуальную форму для следственного действия в качестве гарантии достоверности полученных в ходе его реализации сведений. Действующая концепция формирования доказательств, по мнению В.А. Лазаревой, подменила «доказательство» понятием «допустимое доказательство» и это обуславливает процессуальное неравенство сторон в уголовном процессе, что фактически лишило сторону защиты права собирать доказательства.

Приведенная позиция представляется достаточно интересной и требующей своей основательной проработки как в теории уголовного процесса, так и в правоприменительной практике. Отражая наше представление относительно мнения В.А. Лазаревой, отметим, что без кардинального сущностного изменения действующего уголовно-процессуального законодательства она еще далека от практической реализации, так как несоблюдение процессуальной формы собрания доказательств неизбежно приведет к пренебрежению принятой процедуры и обезличит этот вид процесса от иной познавательной деятельности.

Очевидно, что ряд процессуальных действий, определенных действующим УПК РФ, не имеют цели, связанной с собиранием доказательств, что, естественно, не позволяет отнести их к следственным действиям (ст. ст. 59, 154, 156 УПК РФ и др.). По признаку познавательного характера невозможно отнести к следственным действиям и некоторые другие действия, хотя в УПК РФ на них прямо указано как на следственные действия (экспуамяция, наложение ареста на имущество и пр.).

Однако нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, отражающего процедуры собрания доказательств, указывают на тот факт, что это собрание осуществляется не только следственными, но и иными процессуальными действиями. Данное обстоятельство прямо указывает на невозможность сведения всех признаков

следственного действия исключительно к направленности получения доказательств по уголовному делу.

Между тем в УПК РФ предусмотрены действия процессуального субъекта доказывания, порядок производства которых законодательно не определен (например, ч. 4 ст. 21 УПК РФ). Расширение круга процессуальных действий, в первую очередь для проведения проверки сообщения о преступлении, законодательно предусматривает отдельные процессуальные правила для их производства. Однако это не означает, что данные действия для установления оснований к возбуждению уголовного дела следует считать следственными. Законодатель ввел только отдельные правила производства проверочных процессуальных действий и ограничился требованиями по обеспечению соблюдения прав и законных интересов участников таких мероприятий. Видимо на этом основании он и воздержался от причисления проверочных процессуальных действий к следственным действиям. Отдельные правила, в соответствии с которыми можно получать доказательства, еще не являются признаками следственного действия, так как их процессуальной формой, охватывающей правообеспечительную деятельность, должна охватываться и познавательная деятельность процессуально уполномоченного субъекта, соответствующая принятым в науке методам познания и соответствующим удостоверительным операциям.

В соответствии с изложенным возможен некий промежуточный вывод о том, что только приведённая выше система правил и позволяет сформировать признак следственного действия [5].

Степень формализации правил производства следственных действий в действующем процессуальном законодательстве дифференцирована. При этом совершенно очевидно, что отдельные следственные действия жестко подчинены процессуальным правилам и их нарушение может влечь негативные последствия вплоть до признания данных следственного действия недопустимым доказательством, а другие следственные действия реализуются в соответствии с принципами уголовного судопроизводства, аналогией и общими для всех следственных действий правилами.

В качестве признака, связанного с сущностью следственного действия, нами выделяется и процессуальное принуждение. Правда, этот признак спорный по причине того, что его поддерживают не все процессуалисты. Отдельные представители науки считают его факультативным признаком [6, с. 39] следственного действия, или не связанным с отдельными следственными действиями [7, с. 263–264].

По нашему мнению, процессуальное принуждение возможно в процессе производства любого следственного действия. Правда, в отдельных процессуальных нормах принуждение данного вида предусмотрено прямо (обыск и пр.), в других оно обусловлено их содержанием и порядком проведения (освидетельствование и пр.). Есть следственные действия, где принуждение не реализуется непосредственно в их ходе, однако достаточно часто используется в качестве средства обеспечения его производства (предъявление для опознания и пр.).

В соответствии с приведенной аргументацией признаков, относимых к *следственному действию*, на наш взгляд, его определение может содержать следующий ряд существенных признаков: 1) относимость к уголовно-процессуальному закону (предусмотренное и урегулированное); 2) поисково-познавательная предназначенность, определенная целью собирания доказательств; 3) реализуемость процессуально уполномоченным лицом; 4) сопряженность с возможностью применения процессуального принуждения (для производства или обеспечения). Разумеется, лингвистическое определение этого понятия может содержать и другие признаки, однако приведенные кажутся нам существенными признаками, объективно и правильно отражающими такое важное процессуальное понятие, как «следственное действие».

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что существует тесная связь следственных действий и процессуальных решений [8, с. 26]. Любое процессуальное решение должно найти свое отражение в процессуальном документе, обычно это постановление следователя. Известны процессуальные ситуации, когда законодатель не связывает правоприменителя особой процессуальной формой для закрепления процессуального решения. Так, например, предъявление для опознания или следственный эксперимент проводятся без соответствующего постановления, «устным» решением следователя. Вместе с тем даже «устное» процессуальное решение о производстве следственного действия не исключает его обязанности мотивировать принятое решение в самом протоколе следственного действия. Процессуальное решение представляется единовременным актом, следственное действие – сложная процессуальная процедура, обоснованная принятием процессуального решения и не столько о его производстве, а еще и о порядке реализации.

Выше мы привели существенные признаки, выделяющие следственные действия из системы процессуальных действий и действий иного характера, определенных действующим уголовно-процессуальным законодательством. В соответствии с этими признаками можно предпринять попытку дать исчерпывающую систему следственных действий УПК РФ. На наш взгляд, она включает: 1) осмотр; 2) освидетельствование; 3) следственный эксперимент; 4) обыск; 5) выемку; 6) предъявление для опознания; 7) проверку показаний на месте; 8) назначение и производство судебной экспертизы (комплексное следственное действие).

УПК РФ в его аутентичном толковании относит к числу следственных действий также наложение ареста на имущество, эксгумацию, а кроме того реализацию (утилизацию или уничтожение) вещественных доказательств. Однако, по нашему мнению, эти процессуальные действия не могут считаться следственными по причине того, что у них отсутствует главная цель – получение доказательств.

Отсутствует этот признак и в процессуальных действиях, связанных с получением образцов для сравнительного исследования. Это, безусловно, важное процессуальное действие, но оно никогда само по себе не несет

определенной информации о предмете доказывания, а поэтому нами не признается следственным действием в соответствии с приведенными выше признаками. И образцы для сравнительного исследования, и эксгумация, по выражению О.Я. Баева, «подследственные» действия [9, с. 34], что правильно отражает их соотношение со способами собирания доказательств, какими признаются следственные действия.

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос об отнесении к следственным действиям задержание подозреваемого в совершении преступления. Главным основанием сторонников данной позиции остается довод о том, что фиксация в протоколе задержания соответствующих оснований якобы связана с получением доказательственной информации [10]. Сейчас, да и ранее эта позиция опровергается, по нашему мнению, весьма весомым аргументом: данная мера процессуального принуждения не обладает соответствующим процессуальным комплексом, необходимым следователю для получения доказательств, так как не имеет поискового, познавательного и удостоверительного характера. Действующее уголовно-процессуальное законодательство к тому же однозначно толкует задержание в качестве меры процессуального принуждения. Кроме того, фиксация в протоколе задержания соответствующих оснований еще не означает, что эти основания – доказательство подозрения, для этого следует провести необходимые следственные действия, например, допрос заподозренного в преступлении лица.

Не вполне убедительным следует признать включение в систему следственных действий контроль и запись переговоров, мероприятие, которое используется в процессе расследования преступлений и определенное порядком, предусмотренным ст. 186 УПК РФ. Его основная цель – получение соответствующей фонограммы и получает ее не следователь, что в большей степени характеризует рассматриваемое мероприятие как оперативно-розыскное. В отличие от некоторых авторов мы не видим в контроле и записи переговоров признаков познавательного приема, схожего с выемкой [11, с. 5]. Вместе с тем сама процессуальная процедура получения указанной фонограммы достаточно продолжительна во времени. Практика свидетельствует, что в одном подобном мероприятии фонограмм может быть несколько и они, каждая в отдельности, должны быть осмотрены и протокольно «раскрыты». Это обстоятельство указывает на тот факт, что принятая законодателем процедура нарушает один из важных признаков следственного действия – его непрерывность. Кроме того, познавательный этап контроля и записи переговоров мало чем отличается от аналогичного оперативно-розыскного мероприятия, определенного п. 10 ч. 1 Закона об ОРД.

Те же аргументы не позволяют отнести к системе следственных действий и мероприятия, связанные с формированием информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Действия, связанные с наложением ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, как предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс, по нашему мнению, также сложно отнести к многоэлементному следственному действию. Если осмотр и выемка, безусловно, как самостоятельные элементы процесса наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, имеют познавательное значение для процесса доказывания, то процедура ареста с ним никак не связана.

Нам вполне понятна позиция законодателя относительно расширения процессуальных средств доказывания. Она связана в первую очередь с изменением характера преступности, а также используемых в этой связи преступниками способов и средств. Поэтому существовавшая ранее система следственных действий, закрепленных в УПК, потеряла свою стабильность. Вместе с тем мы считаем, что в современных условиях развития российского общества отсутствует острая необходимость нормативного закрепления новых следственных действий. Имеющаяся система достаточная и следователь в состоянии выполнять поисковые, познавательные и удостоверительные операции, основанные на требованиях, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, в соответствии с решением задач, определенных ст. 6 УПК РФ.

Уголовному процессу известно много различных классификаций следственных действий. Однако наиболее устойчивой является их классификация на вербальные и невербальные следственные действия (С.А. Шейфер, А.Б. Соловьев, Н.И. Порубов, С.Б. Россинский). Правда каждый автор предлагает свои критерии подобной классификации (метод получения информации, способ получения информации, источник сведений, связь с получением показаний и т.п.).

Не вдаваясь в проблематику классификации следственных действий, отметим, что основное назначение данного способа систематизации знаний преследует исключительно прикладные цели, обусловленные возможностями следственного действия на основе использования познавательного метода получать допустимые доказательства.

Проблема понятия и системы следственных действий в отечественном уголовном процессе имеет свою историю. Ее соответствие с современным уголовно-процессуальным законодательством свидетельствует о том, что она далека от окончательного разрешения, в первую очередь по причине постоянного законодательного изменения процессуальных способов и средств для целей доказывания. Это обуславливается изменяющимся характером международной и российской преступности, в соответствии с чем задачей процессуалистов является постоянный мониторинг указанных изменений и их научное объяснение для целей правоприменительной практики – правильной и эффективной деятельности процессуальных субъектов причастных к процессу доказывания по уголовному делу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практич. пособие. М.: Высшее образование, 2009; Пигорев О.И. Развитие института следственных действий в российском уголовно-процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовному делу: проблемы теории и правовое регулирование / 2-е изд. М.: Норма. 2014; Стельмах В.Ю. Концептуальные основы следственных действий: монография. М.: Юрлитинформ, 2017 и др.
2. Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методология и правовые проблемы. Саратов, 1986.
3. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2008.
4. См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 8–9; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: учебное пособие. Ижевск, 1993. С. 91.
5. Шейфер С.А. Следственные действия. Основание, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2004. С. 12–40; Соловьев А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики): науч.-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 33.
6. Комиссаров В.И. Понятие и виды следственных действий // Тактика следственных действий: учебное пособие / под ред. В.И. Комиссарова. Саратов: СГАП, 2000.
7. Шурухнов Н.Г. Классификация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Вып. 5. Самара: Самарский гос. ун-т, 2010.
8. Лупинская П.А. Решение в уголовном судопроизводстве. М.: Норма – Инфра-М., 2010.
9. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013.
10. Корнуков В.В., Валиев Р.Ш. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов. 2007. С. 25; Быков В.М. Следователь в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 150.
11. Безлепкин Б.Т. Проблемы уголовно-процессуального доказывания // Сов. гос-во и право. 1991. № 8.